

Н. Гамалова
Лион (Франция)

Обоснованная и необоснованная тоска в переводах Анненского

Цель нашей статьи показать на примере одной единицы содержания своеобразную инкультурацию переводной поэзии на национальной почве. Богословское понятие инкультурации¹ имеет в виду проповедь Святого Писания в разных концах мира, когда при всей верности догме христианство может приобрести небывалые очертания в новой культурной среде. Поэзия в переводах Анненского являет собой создание подобного «нового тела», инкультурацию древнегреческой или французской поэзии на почве отечественной словесности.

Единицей содержания мы условно назвали существительное *тоска* и его производные, заранее оговорив таким образом сложность ограничения минимальных значимых единиц перевода. Членение речи как таковой на структурно-семантические единицы (Л. Ельмслев, Л. Прието, А. Мартине) затруднено синтагматичностью и семиозисом знаков (Ч. Пирс). Выделить в стихотворении единицы перевода ещё сложнее, учитывая «межсловесные связи» (М. Гаспаров) и «тесноту стихового ряда» (Ю. Тынянов). Вместе с тем несомненна и важность для поэзии имён существительных, в особенности некоторых из них. Артю́р Рэмбо, Вячеслав Иванов или Вадим Шершеневич рассматривали существительные как главный материал построения стихотворения. До того как Пьер Гиро забросил свои изыскания из-за нападок на его «количественную стилистику», он работал над составлением указателя словарного запаса символистов,² в частности, слов ключевых и регулярно повторяющихся.

В переводах Анненского слово *тоска* фигурирует там, где в оригинальных стихах Бодлера, Верлена, Леконта де Лиля, Роллина, Гейне и Еврипида, либо отсутствует его более или менее точный эквивалент, либо вообще не значит ничего подобного. Здесь необходима оговорка: тональность лирики в принципе меланхолична и место для грусти и тоски в ней есть почти всегда; нас интересует слово *тоска*

как средство «руссификации» переводов, в меньшей степени его соотношение с близкими по значению терминами (печаль, грусть, скорбь и т. д.).

Констатируя при анализе переводов Анненского, что употребление слова *тоска* и его производных далеко не всегда обосновано лексически, мы в сущности не открываем ничего неожиданного. Откуда такая предсказуемость результата? Во-первых, она может простекать из рекуррентности слова *тоска* в поэтических заголовках Анненского. Подобный повтор не редкость в поэзии: у Бодлера есть несколько *Сплинов*, у Верлена множество *Песен*, у Лафорга десятки *Жалоб*: жалобы весны, колоколов, часов, провинциальной луны, скупающего ночью ветра и так далее. Во-вторых, само «ледяное, волшебное слово Тоска» (Георгий Иванов), слово благозвучное и одновременно обыденное, распространённое в русской лирике и в фольклоре. В-третьих, понятие *тоски* относится к константам русской культуры, наряду с волей, судьбой, хандрой.

Если взять переводы Верлена на русский язык, то Сологуб в *Гротесках*, в первой *Доброй песне*, в *Как нежно вы меня ласкали* (*Les chères mains qui furent miennes*) и Брюсов в стихах на смерть Виллье де Лиль-Адана, в *Обете*, в *Охотничьем рожке* употребляют *тоска* при передачи следующих выражений: «des chants bizarres / Nostalgiques» («По горней родине тоска», буквально – «песни странные, ностальгические»), «Que son âme depuis toujours pleure et réclame» («Душа его ждала, тоскуя бесконечно» вместо «Душа его извечно стенала и звала»), «Mains en songe, mains sur mon âme» («Все к ним тоска моя стремится», «Руки в грёзах, руки на моей душе»); «...les noirs hivers / De mes ennuis, de mes dégoûts, de mes détresses!» («...вот царит мороз / Тоски, усталости и нет очарований», дословно – «чёрные зимы моих огорчений, моих омерзений, моих бед»), «tel qu'un orphelin pauvre» («так сирота тоскует», «как бедный сирота»), «De la terre sans verbe et de l'aveugle éther» («над немой землёй и над тоской теней», «над землёй без слова и над слепым эфиром»), «L'âme du loup pleure dans cette voix» («Не волчья ли душа в нем плачется тоскливо», «в этом голосе плачет волчья душа»), «<une agonie> qui ravit et qui navre à la fois» («кругом – и сладость и тоска», «<агония>, что приводит в восторг и удручает в то же время»). Верленов стих «Dans l'interminable ennui de la plaine» («В бесконечной скуке равнины»)

Брюсов переводит «По тоске безбрежной / По равнине снежной». В *Осенней песне* Лозинский переводит «Et je m'en vais / Au vent mauvais» («Я ухожу / Навстречу злому ветру») так: «И в сад ухожу / Жестоко тоскую».

Единственный перевод Анненского из Лонгфелло *Дня нет уж* (*The day is done*) вероятно связан именно с поисками у американского поэта сходства и отличия между *горестями-тяготами* и *печалью*.

И сердце не может бороться
С волной набежавшей тоски,

С волною тоски и желанья,
Пусть даже она – не печаль,
Но дальше, чем дождь от тумана,
Тоска от печали едва ль.

Лонгфелло использует трижды «a feeling of sadness» («чувство печали», строфы 2, 3 и 4), Анненский передаёт их каждый раз словом *тоска*, и та же *тоска* служит для перевода «this restless feeling» («чувство тревоги») в последней строфе («Чтоб эту тоску убаюкать»).

Разумеется, *тоска* стоит в переводах Анненского и там, где у западноевропейских поэтов мы встречаем соответствующую лексику. Этимологически и семантически *тоска* соотносима с французской *angoisse* и английским *anguish*; немецкая *Angst* ближе к понятию страха.³ Французский термин *angoisse* носит более медицинский характер,⁴ тогда как русская тоска скорее трансцендентна. В словаре Макса Фасмера тоска сближается в первую очередь со *стеснением*: «тоска́, др.-руссл. тьска, “стеснение, горе, печаль, беспокойство, волнение” (Срезн. III, 1057), цслв. сътъснѣти, ἀγανακτήειν, чеш. teskný, “боязливый”, tesklivý “тоскливый, пугливый”». А согласно французскому этимологическому словарю Блока и Вартбурга *angoisse* идёт от латинского *angustus*, «узкий», собств. «сжимание, стеснение» и до XVI-го века означает «затруднённое дыхание, узкий проход». В тоске слышится свойственная индо-европейским языкам связь между *узостью*, *ужасом*, *углами* и *теснотой*.⁵ При переводе сонета Верлена под названием *L'Angoisse* Сологуб и ставит в заголовке *Тоска*. Анненский переводит в двух случаях *angoisse* с помощью *тоски*. В первой строфе *Искупления* (*Réversibilité*) Бодлера:

Ange plein de gaieté, connaissez-vous l'angoisse,
 La honte, les remords, les sanglots, les ennuis,
 Et les vagues terreurs de ces affreuses nuits
 Qui compriment le cœur comme un papier qu'on froisse?
 Ange plein de gaieté, connaissez-vous l'angoisse?

В русском варианте происходит перераспределение понятий: вместо вопроса «Ангел, переполненный радостью, известна ль вам тоска?», мы имеем «Вы, ангел радости, когда-нибудь страдали?», а последующее перечисление мучительных состояний – «стыд, угрызения и скука» – дают такие элементы как «тоска, унынье, стыд».

Вы, ангел радости, когда-нибудь страдали?
 Тоска, унынье, стыд терзали вашу грудь?
 И ночью бледный страх... хоть раз когда-нибудь
 Сжимал ли сердце вам в тисках холодной стали?
 Вы, ангел радости, когда-нибудь страдали?

Метафорическое уподобление сердца и бумаги у Бодлера («les vagues terreurs <...> qui compriment le cœur comme un papier qu'on froisse», «смутные страхи <...>, стискивающие сердце будно оно бумага, которую мнут») преобразуется в сравнение страха со стальными тисками: «...бледный страх <...> / Сжимал ли сердце вам в тисках холодной стали?». А метафора *сердца-бумага* проявила себя позже, в оригинальном стихотворении *Другому*:

Фигурно там отобразился страх,
 И как тоска бумагу сердца мяла...

При переводе одного из *Сплинов* (*Spleen*, 1857) Бодлера Анненский передаёт «Angoisse atroce, despotique» или «жуткая, деспотическая Тоска» словом *Мучение*, которое, как известно, в поэтике Анненского имеет значение более экзистенциальное, чем смутная эндемическая тоска: «Свой черный флаг / *Мученье* развеивает...» («l'Angoisse atroce <...> plante son drapeau noir», «жуткая Тоска <...> вытклет свой чёрный флаг»).

Второй случай – *Призраки* Леконта де Лиля (*Spectres*, 1866). Стих Анненского «С тоской гляжу на них, и страх меня берёт» довольно точно передаёт оригинальную строку «Смотрю на них

с тоской и трепетом» («Je les regarde *avec angoisse* et tremblement»). Разные варианты этих стихов и их переводов чуть ли не воспроизводят заголовки книг Кьеркегора *Спрах и тпенет* (*Frygt og Bæven*, 1843; французский перевод *Crainte et tremblement*, 1935) и *Концепт тоски* или в новейшем переводе *Понятие страха* (*Om Begrepet Angest*, 1844; *Le concept de l'angoisse*). У Кьеркегора *angest* (дат.), немотивированный страх-тоска, отличается от *frygt*, боязни чего-то определённого. Поэтическая чувствительность к словам и их культурной памяти не хуже философии фиксирует состояния бытия.

В переводах Еврипида *тоска* соответствует древне-греческому ἡλύπη, ης (печаль, грусть, скорбь, физическая и душевная боль) с его однокоренными (глагол λυτέω-ῶ, печалить, тревожить; прилагательное λύπηρός, ἄ, ὄν, печальный, тягостный; λύπημα, ατος, предмет печали). Приведём все четыре отрывка из Еврипида (курсив в цитатах – Н. Г.).

Орест: Скажу ясней: *тоска меня снедает*...

Менелай: Да, грозный бог... но лечат и *тоску*... (*Орест*)⁶

οὐ τὸ μὴ σαφές (397)

Λύπη μάλιστα γ' ἢ διαφθείρουσά με,

Δεινὴ γὰρ ἢ θεός, ἀλλ' ὅμως ἰάσιμος (398–399).⁷

Tristia maxima consumit me,

*Sæva quippe est dea, sed tamen placabilis.*⁸

Русский Еврипид не только перекликается с прекрасным латинским стихом «*tristia maxima consumit me*», но и легко вызывает в памяти строки из отечественной поэзии до и после Анненского: элегию из Шенье у Пушкина – «Ты вянешь и молчишь; печаль тебя снедает» (1824) (у Шенье: «*Tu fuis, tu ne ris plus; rien ne saurait te plaire*», «Ты ускользаешь, не смеёшься, ничто не нравится тебе») или у Мандельштама – «В стенах Акрополя печаль меня снедала» (*На розвальнях, уложенных соломой...*). Повтор у Анненского *тоски* в стихе 399 заменяет простую редуцию предыдущего утверждения в реплике Менелая: «однако всё лечится», «однако и это излечимо». Лечение (предикатив ἰάσιμος) сближает *тоску* с *болезнью*, одним из ключевых понятий поэтики Анненского.

Следующий пример – с глаголом λυλέω печалиться, тревожиться, скорбеть, сокрушаться):

Креонт: Без мужа остаешься и *тоскуешь*... (*Медея*)

λυλεῖ δὲ λέκτρων ἀνδρὸς ἐστερημένη (286)

doles autem quod cubili mariti orbata sis.⁹

В комментариях к *Медее* Анненский даёт немного другой перевод этого стиха: «Теперь Медея к тому же ещё и злится, так как “она спит одна” (грубое выражение – λέκτρων ἀνδρὸς ἐστερημένη)». ¹⁰ Поэт смягчает (как и в стихотворном переводе) грубое «лишена мужней постели» и использует для передачи чувства Медеи глагол «злиться», а не «тосковать» (на латыни в этом стихе мы видим *dōlēo*, *ūi*, *ēre*, «испытывать боль, мучиться, жаловаться», с более «динамичным» смыслом, то есть более близким к «злиться»).

Следующий пример интересен тем, что в вопросе к корифею по поводу самоубийства Федры есть своего рода противопоставление горя беспричинного и отчаяния, имеющего конкретное основание. Первое и выражается у Анненского *тоской*.

Т е с е й: В *тоске*, скажи, иль жребий оковал? (*Ипполит*)

λύπη παχυνθεῖς ἢ ἔσθ' ἄρα συμφορᾶς τίνας (803)

Dolorene confecta, an ex aliqua calamitate?¹¹

Не только в латинском варианте (*dōlōr*, *ōris*), но и в западноевропейских переводах *Ипполита* на месте λύπη – боль в сердце и в крови, боль вжившаяся. Как отражается оппозиция латентное горе/несчастный случай у других переводчиков? Самым точным французским переводчиком Еврипида был тогда Гюстав Энстен, у него: печаль (скорбь) и катастрофа («Est-ce au chagrin qu'elle a succombé? ou à quelle catastrophe?»¹²). В английском варианте второй вопрос развёрнут в нарушение однострочности у Еврипида: 1) холодящее кровь горе и 2) пагубное событие, подтолкнувшее царицу (к смерти) («Had grief congealed her blood? Or was she urged / To this by some

calamitous event?»¹³). Анненский своей лаконичной репликой смог сохранить оппозицию и соблности стихомифию. Четвёртый пример повествует о боли Геракла, убившего в одноимённой драме своих детей:

«...не отважусь / Идти один, *тоской* совсем измучен... /
Вас напоследок, Фивы, я зову / Сюда».¹⁴

λύπη τι παίδων μὴ λάθω μονούμενος. / Ὡ γαῖα Κάδμου (1388-1389)¹⁵

ne quid ex dolore propter Liberos mihi solitario accidat. / O terra Cadmi...¹⁶

В переводах из Еврипида палитра употреблений слова *тоска* намного богаче, чем в лирике. Во-первых, потому что объём переведенных текстов гораздо обширнее; во-вторых, в драматургии возникают более разнообразные ситуации, чем в лирике. Так вот, высшей точкой страдания в этой палитре *тоски*, является боль потери детей (мотив смерти детей у Анненского заслуживает отдельного внимания). Тоска родителя, «пришиблен<ного> смертью»¹⁷ ребёнка, имеет определённую причину, то есть начало, но не имеет конца, «тоскливость» – в застывшей и безграничной боли. Вот три стиха из партии хора, сочувствующего матерям, чьи дети погибли под стенами Фив: «В слезах исхода нет / *Тоске* по мертвым детям: / Бессмертна ты, *тоска!*¹⁸ (*Умоляющие*, 86–87). Сравним последний стих с переводом седьмого катрена *Преступления любви (Crimen amoris)* Верлена, где выражение «тоска бессмертная» появилось (в другом контексте, разумеется) до *Умоляющих*:

...Там черной бабочкой меж камней дорогих
Тоска бессмертная чело ему одела
И сердцем демона с тех пор она владела.

...Et le chagrin mettait un papillon noir
A son cher front tout brûlant d'orfèveries.
Ô l'immortel et terrible désespoir!

Дословно так: «И горе накладывало чёрную бабочку / На дорогой лоб, весь сияющий от драгоценных украшений. / О бессмертное и ужасающее отчаяние!». *Тоска* здесь соответствует сразу

нескольким понятиям – горю, отчаянию и их неизбывности. В трагедии *Умоляющие*, переведя δυστήνους γόους <...> τ ω υ δ ε (...удручающие стоны этих, 287) как «стоны тоскующих».¹⁹ Анненский придал особый статус производному от *тосковать*, так как действительное причастие настоящего времени *тоскующие* перекликается с названием трагедии.

В диалоге с дочерью Клитемнестра сожалеет о содеянном преступлении: «Увы, с тоскою грудь / Сжимается и у меня...» (*Электра*, 1105–1106), а у Еврипида отрицательный оборот (ἄγαν / χαίρω τι <...> τοῖς δεδραμένοις ἐμοί): «я сама не испытываю никакой радости, пойдя таким путем». Мы не сможем процитировать все двадцать четыре отрывка, сопоставленные с текстом Еврипида. Добавим только, что когда в оригинале собственно *тоски* нет, переводчик прибавляет её к глаголами движения («бродим с тоской по чужбине»²⁰ вместо просто «бродить, скитаться») и к глаголам речи («Будете <...> / Так причитать, *тоскуя*, вы»²¹ вместо «жены будут говорить об этом»). Аналогичные приёмы используются и в переводах западноевропейских поэтов. С глаголов речи в переводе из Гейне (*Мне снилась царица; Mir träumte von einem Königskind*): «Твоей мне не быть: я бессильная тень, – / С тоской мне она говорила» («Das kann nicht sein, sprach sie zu mir, / Ich liege ja im Grabe»), «Этому не бывать, сказала она мне, я лежу в могиле»). С глаголом движения у Верлена (*Вечером; Pensée du soir*): «Иль, как немая тень, исчадьё тяжких снов, / *Тоскуя бродит* он вдоль скифских берегов» («Ou bien errant, semblable aux formes que suscite / Le rêve, par l'horreur du paysage scythe», «Или же бродить, похожему на те очертания, что сон рождает от ужаса пред скифским пейзажем»²²).

Рассмотрим случаи из *Парнасцев и проклятых*, когда *тоска* служит для перевода таких понятий как *грусть*, *огорчение*, *боль*, *недуг*, *безутешность* и *скука*. До XVII-го века и французская *ennui* и русская *скука* обозначали более удручающие ощущения, чем в современном языке, а именно, боль, муку, душевное томление, уныние, тоску и апатию. Мы учитываем, что *тоска* или близкая ей вокабула могут передавать вообще атмосферу строфы, а не конкретную лексическую единицу. Для наглядности сравнений и для краткости нам будет удобней свести выдержки и их дословный перевод в таблицу.

<i>Оригинал</i>	<i>Дословный перевод</i>	<i>Перевод Анненского</i>
Baudelaire, <i>Spleen</i> : <le ciel bas pèse> Sur l'esprit gémissant en proie aux longs ennuis...	<низкое небо давит> На стонущий дух, терзаемый продолжи- тельными горестями (заботами).	Бодлер, <i>Сплин</i> : Тоска в груди просну- лась, как хозяин...
Leconte de Lisle <i>La mort de Sigurd</i> : Que votre mal, auprès de mes maux, est léger! <...> / Elle livre aux regards de la veuve royale / <...> Les dix fentes de pourpre ouvertes...	ваш недуг по сравне- нию с моими недугами прост! <...> / Она раз- вернула перед взорами царственной вдовы / <...> Десять багровых расселин...	Леконт де Лиль <i>Смерть Сигурда</i> : Увы! тоска моя боль- ней твоих оков <...> / Пускай насытят взор тоскующей царицы ²³ / Те десять пылких ран...
<i>Spectres 1</i> : Trois spectres familiers hantent mes heures sombres.	Три знакомых призрака преследуют мои мрач- ные часы.	<i>Призраки 1</i> : Три тени вижу я в часы тоски вечерней.
<i>Spectres 3</i> : Les voici devant moi, blancs et silencieux. / Les trois spectres sont là qui dardent leurs prunelles.	Вот они передо мною, белые и безмолвные. / Все три призрака здесь и их зеницы жалят меня.	<i>Призраки 3</i> : Три тени белые в не- мой и долгий час / Мне сердце леденят, тоской в него впиваясь...
Maurice Rollinat, <i>Le Silence</i> : Il (le silence) guérit des longues névroses, / De la rancune et du regret.	Оно (безмолвие) из- лечивает от затяжных неврозов / От злобы и сожаления.	Морис Роллина, <i>Без- молвие</i> : С ним злоба и тоска безумная забвенна, / Оно бальзам моих му- чительных ночей...
Paul Verlaine, <i>Ô triste, triste était mon âme</i> : Je ne me suis pas consolé / Bien que mon cœur s'en soit allé	Я не нашёл утешенья / Хоть сердце моё и ушло от неё	Поль Верлен, <i>Я долго был безумен и печален</i> : И всё тоскую я, и всё люблю, / Хоть серд- цу уж давно сказал: «Уйди, молю».

Lucien Léтиноis II:

<p>Car vraiment j'ai souffert beaucoup! / Débusqué, traqué comme un loup</p>	<p>Потому что я вправду много страдал! / Как на волка на меня устра- ивали облаву и гнались по пятам</p>	<p>Я устал и бороться, и жить, и страдать, / Как затравленный волк от тоски пропадать.</p>
--	--	--

В последнем примере тоскливость вытекает только из контекста. Стихи Поля Верлена стали тем словесным материалом, к которому переводчик регулярно «приписывал» тоску по понятной причине: печаль (*tristesse*), томление (*langueur*), изнеможение (*lassitude*), скука (*ennui*) – ключевые слова французского поэта. Анненский один раз перевёл сонет Верлена *Мой привычный сон* (*Mon rêve familier*) под названием *Сон, с которым я сроднился*, а затем переложил его же в семи двустихиях под названием *Le rêve familier* (1901). В свободном переложении словам «*Son nom? <...> Comme ceux des aimés que la Vie exila*» («Её имя? Оно как имена возлюбленных, посланных Жизнью в изгнание») соответствует стих, – «Имя – из мира теней, что тоскуют в лазури сияний» – находящийся в симбиозе не только с поэзией Верлена (ср. сонет на смерть Виллье де Лиль-Адана), но и с поэтикой античных трагедий Анненского.

Вполне естественно, что *тоска* фигурирует в переводе из Верлена *Сердце исходит слезами* (*Il pleure dans mon cœur*, 1874), где обыгрывается мотив неясности душевного томления. Необходимо процитировать по меньшей мере две последние строфы из четырёх:

Il pleure sans raison
Dans ce cœur qui s'écœure.
Quoi! nulle trahison?..
Ce deuil est sans raison.

C'est bien la pire peine
De ne savoir pourquoi
Sans amour et sans haine
Mon cœur a tant de peine!

Перед нами тот случай, когда буквальный перевод, лишённый лаконичной краткости каждого стиха, непрерывных созвучий и безличных

глаголов, будет самым неточным. Однако без него не обойтись: «Льются слёзы безпричинно / В сердце, которому тошно. / Как так!? Никакого вероломства?.. / Эта скорбь без причины. / Это ж худшая тягота / Не знать отчего / Без любви и без ненависти / Моему сердцу так тяжело». Анненский приписал стихотворению заголовок верленова цикла (*Romances sans paroles, Романсы без слов* или *Песни без слов*), в который оно входит – *Песня без слов* (в единственном числе).

Только не горем томимо
Плачет, а жизнью наскуча,
Ядом измен не язвимо,
Мерным биеньем томимо.

Разве не хуже мучений
Эта тоска без названья?
Жить без борьбы и влечений
Разве не хуже мучений?

«Эта тоска без названья» отражает смысл всего стихотворения; можно отметить, что синтагма стоит на месте «не знать отчего» и по смыслу приблизительно соответствует «этой скорби без причины». Перевод Георгий Шенгели соблюдает «топографию» стихов Верлена («Томленье безпричинно» стоит на своём месте), а главное Шенгели демонстрирует верность не только Верлену, но и Анненскому (ср. повтор «мук сердца»):

И слезы беспричинно
В истомном сердце том.
Измена? Нет помина!
Томленье беспричинно.

Но хуже нету мук,
Раз нет любви и злобы,
Не знать: откуда вдруг
Так много в сердце мук.

Кстати, в переводе *Сентиментальной прогулки (Promenade sentimentale)* Г. Шенгели пишет «Я бродил один, покорен тоске», там, где у Верлена «я бродил одинок, страдая от раны» («...j'errais tout seul / Promenant ma plaie»).

Тоска, как означаемое и означающее, не только одна из констант русской культуры, не просто рекуррентная вокабула или средство инкультурации зарубежной поэзии у Анненского и у его собратьев, но также одно из проявлений метапоэзии или созерцательного поэтического состояния. То, что Анненский писал о Еврипиде применимо к нему самому: «...мне Ипполит Еврипида кажется более всего тоской и болью самого поэта по невозможности оставаться в жизни чистым созерцателем, по бессилию всему уйти целиком в мир легенд и творчества или стать только мозгом и правой рукой, как мечтал когда-то Жюль де Гонкур».²⁴

¹ См. исследование Жана-Клода Ланна об инкультурации христианского вероучения в России, в особенности на примере философии Николая Фёдорова: *Jean-Claude Lanne. Acculturation / inculturation du christianisme en Russie: le cas de N. Fëdorov (1829–1903) // Questions de littérature russe. Coll. Specimina slavica Lugdunensia V. Université Lyon 3. 2015. P. 111–132. Аккультурация – социологическое и антропологическое понятие, означающее соприкосновение и плодотворное взаимодействие двух культур.*

² *Guiraud Pierre. Index du vocabulaire du symbolisme. Vol. I. Index des mots d'Alcools de Guillaume Apollinaire, avec un avant-propos de R.-L. Wagner. Klincksieck, 1953.*

³ По поводу немотивированности *σπραха-Angst* (и в этом отдалённое сходство *Angst* с русской тоской) см.: *Wandruszka Mario. Angst und Mut. Stuttgart, Klett-Cotta, 1981.*

⁴ Возможно в силу связи *angoisse* с дрелогреческим глаголом *ἀναγκάτέω* (возмущаться, бунтовать, испытывать раздражение), восходящим к медицинской терминологии – *ἀδύμονία, ἀδύμονέω* (*Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots. Klincksieck, 2000. P. 19.*)

⁵ *Топоров В. Н. Поэтика Достоевского и архаические схемы мифологического мышления // Проблемы поэтики и истории литературы. Саранск, 1973. С. 100–101.*

⁶ *Еврипид. Трагедии. В 2 т. / Перевод Иннокентия Анненского. Изд. подготовили М. Л. Гаспаров, В. Н. Ярхо. Т. II. М., 1999. С. 325. Все ссылки на переводы трагедий Еврипида Анненским даны по этому изданию.*

⁷ Кроме *Геракла* все ссылки на тексты Еврипида даются по изданию Анри Вейля «Sept tragédies d'Euripide. Texte grec, recension nouvelle, avec un commentaire critique et explicatif». (Paris, 1879. P. 715). Интересно, что Анненский не использовал женский род в выражении «да, грозный бог», ослабив таким образом олицетворение Грусти, хотя мог бы себе представить такой вариант по аналогии с Лиссой – и болезнью, и богиней (нечто вроде: «грозна богиня Грусть, но всё однако излечимо»).

⁸ *Euripidis fabulae, recognovit, latine vertit, in duodecim fabulas annotationem criticam scripsit... Theobaldus Fix. Parisiis, Ambrosio Firmin Didot, 1843. P. 39.*

⁹ *Idid. P. 121.*

¹⁰ *Анненский И. Ф. Трагическая Медея // Театр Еврипида. В трех томах, с двумя введениями, статьями об отдельных пьесах, объяснительным указателем и снимком с античного бюста Еврипида, И. Ф. Анненского. Т. I. СПб., Просвещение, 1906. С. 223.*

¹¹ Euripidis fabulae. P. 164.

¹² Euripide. Hippolyte // Théâtre d'Euripide et fragments. Traduction nouvelle, avec introduction, notices et notes par G. Hinstin. Hachette. 1884. Т. I. P. 386.

¹³ Hippolytus // The plays of Euripides in English. Translated by Shelley, R. Potter and M. Woodhull. Vol. II. London, J. M. Dent & Co, 1906. P. 142.

¹⁴ См.: *Еврипид*. Трагедии. Т. I. С. 442.

¹⁵ *Euripide*. Т. III. Héraclès. Les Suppliantes. Ion. Texte établi et traduit par L. Parmentier et H. Grégoire. 4e éd. Paris, Les Belles Lettres, 1965. P. 73.

¹⁶ Euripidis fabulae, p. 564

¹⁷ *Анненский Иннокентий*. Книги отражений / Изд. подг. Н. Т. Ашимбаева, И. И. Подольская, А. В. Фёдоров. М., 1979. С. 174.

¹⁸ Ср. перевод Сергея Шервинского: «Потеряв дитя родное, / Изливает мать в слезах горячих / Скорбь свою...» (*Еврипид*. Трагедии / Перевод с др.-греч. И. Анненского и С. Шервинского. Т. 2. М., 1980. С. 518).

¹⁹ *Еврипид*. Трагедии. Т. I. С. 293.

²⁰ Там же. С. 292.

²¹ Там же. Т. II. С. 484.

²² Комментарий смыслового сдвига в данном примере не входит в наши задачи.

²³ Ср. «госкующей без мужа» царицей Медеей в переводе Анненского.

²⁴ *Анненский Иннокентий*. Трагедия Ипполита и Федры // *Анненский Иннокентий*. Книги отражений. С. 395.